

ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ: ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ПРАВДЕ*

© 2011 В.Е. Рубаник

доктор юридических наук, гл. научный сотрудник
Отдела теории и истории права и судебной власти
Российская академия правосудия, г. Москва
E-mail: a.i.ashmarin@mail.ru

Автором обосновано, что в законодательстве Киевской Руси - Русской Правде, церковных Уставах Владимира и Ярослава, отдельных княжеских постановлениях, грамотах и т.п. - нашли свое отражение процессы становления и развития института права собственности, происходившие в ходе социально-экономической эволюции древнерусского общества.

Ключевые слова: Русская Правда, институт права собственности, социально-экономическая эволюция древнерусского общества.

Восточные славяне не случайно назвали древнейший свод источников древнерусского права “Русской Правдой”: само слово “право” происходит от правды, справедливости; правда - это истина, то, что соответствует действительности; порядок, основанный на справедливости. Как замечает Р.Л. Хачатуров, Русская Правда дает возможность изучить социальную жизнь восточных славян в течение нескольких столетий. До середины XII в. текст Русской Правды дополнялся и изменялся. Наиболее архаические по содержанию статьи Русской Правды изображают явления, характерные для времен доклассового строя. Многие статьи дают представление о возникновении и развитии государственной власти, феодальной собственности, правовом положении социальных групп древнерусского общества. Поэтому содержание Русской Правды отражает переходный период от первобытнообщинного строя к классовому обществу и эпохе раннего феодализма¹.

Разные источники (формы) права, зафиксированные в Русской Правде, имеют в основе своей различные формы правосознания и могут быть правильно поняты лишь при рассмотрении их в контексте той общественной системы, в которой они имели юридическую силу. Такой социальной системой являлось феодальное общество восточных славян, охватывающее период с VI по XII в.

Формирование права в VI-IX вв. завершилось переходом от казуального к обычному праву, нор-

мы которого со ссылками на казуальное право и прецеденты передавались, как правило, по памяти из поколения в поколение. В X в. завершается переход от устного обычного права и законов к писаному праву, создаваемому правотворчеством Древнерусского государства.

На первом этапе становления древнерусского права в процессе политической консолидации восточнославянских племен произошла унификация близких по составу и социальной природе правд этих племен в Закон Русский, юрисдикция которого распространялась на территорию южного государственного образования восточных славян с центром в Киеве. Вероятно, Закон Русский полагался основным по сравнению с правдами других племенных союзов². Его нормы учитывались киевскими князьями при заключении договоров с Византией³. В X - начале XI в. в результате развития княжеского законодательства Закон Русский был преобразован в Правду Русскую, ставшую со временем основным законом великих киевских князей, постепенно распространенным на всю Русь.

В законодательстве Древней Руси, хотя и в зачаточном виде, но уже начинает различаться как таковая собственность (по современной терминологии, собственность в ее экономическом смысле), “состояние принадлежности” тех или других объектов собственности определенному субъекту и “право собственности”, возникавшее при регулировании фактически существующих отношений собственности действующими на то время нормами права. Однако в древнерусском

* Окончание статьи. Начало см.: Вопросы экономики и права. 2011. № 9.

праве периода Киевской Руси не было еще (да и не могло, наверное, быть) ни какого-либо общего термина для обозначения собственности, ни какого-то терминологического определения права собственности⁴, потому что содержание этого права было безличным и определяющим образом зависело не от созданной законодателем некой правовой конструкции, а от того, кто выступал субъектом и что фигурировало как объект права собственности⁵, т.е. поскольку Русская Правда еще не знала таких абстрактных понятий, как “собственность”, “владение”, “пользование”, “распоряжение”, постольку и содержание права собственности в первую очередь связывалось с конкретными субъектами этого права и могло весьма существенно различаться в зависимости от объекта права собственности⁶.

Данные юридические особенности были, прежде всего, обусловлены происхождением и источниковой базой Русской Правды: ни включенные в нее реципированные нормы византийского законодательства, ни принципы и постановления местного обычного права не являлись совместимыми с еще неизвестными к тому времени абстрактными юридическими понятиями, а для обычая, вдобавок, все субъекты выступали равными, и все они могли быть только физическими лицами; статус же, правовое и имущественное положение любого физического лица определялись, главным образом, его социальным положением, а, значит, само социальное положение конкретного субъекта права собственности и определяло содержание этого права - причем только для этого конкретного (персонифицированного) субъекта.

Разделение вещей на *движимые и недвижимые* еще не нашло в Русской Правде четко определенного юридического оформления, однако статус движимости уже был разработан, и, как удостоверяет анализ постановлений Правды, довольно подробно. В то же время и сама собственность как определенная юридическая категория, и право собственности, и его содержание, право владения и его разновидности - все эти понятия не нашли еще к тому времени специальных обобщающих обозначений и четкого определения в Правде ни в одной из ее редакций; однако на практике законодатель довольно четко различал право собственности и право владения: собственник (как это несколько позднее подтвердили и ст. 13-14 Сокращенной Правды) имел право на возвра-

щение своего имущества из чужого незаконного владения на основе строго установленной процедуры; различал при этом древнерусский законодатель уже и владение правомерное и неправомерное: виновному в незаконном овладении вещью, кроме обязанности возратить вещь ее законному собственнику, назначался еще и дополнительный штраф в 3 гривны - за причиненную его действиями “обиду”.

Исходя из изложенного, можно, очевидно, отметить, что анализ постановлений Русской Правды позволяет определить понятия и собственности, и права собственности (равно как и содержание этого права) лишь опосредствованно - исходя из обобщения всего массива правовых предписаний Правды в их совокупности. Таким же порядком возможно будет и установить круг субъектов, и определить объекты права собственности, которые выделялись древнерусским законодателем.

Анализ весьма значительного массива доступных источников периода Киевской Руси позволяет сделать, как представляется, достаточно обоснованный вывод относительно того, что в правовую регламентацию положения различных субъектов отношений собственности значительный субъективный элемент вносила княжеская судебная практика: для нее, как это вытекает из подавляющего большинства судебных постановлений, наиболее значимыми субъектами выступали те, которые ближе всего стояли к самому князю и его двору; поэтому одни из первых княжеских законодательных постановлений, закрепленных в Русской Правде, касались, в первую очередь, вопросов определения круга лиц, на которых должно было распространяться княжеское законодательство об охране неприкосновенности личности и защите ее собственности (между чем древнерусский законодатель нередко ставил знак равенства); вследствие этого и правовые привилегии на усиленную защиту права собственности распространялись, главным образом, на тех субъектов, которые представляли собой приближенных к князю лиц⁷.

Собственниками, как это видно из постановлений Правды, могли выступать представители господствующих слоев - князя, княжеские и земские бояре, дружинники, духовенство и т.п., и свободное население Руси - прежде всего, купцы, ремесленники, смерды. В определенной мере к субъектам права собственности возможным

будет отнести и закупа, поскольку известное постановление Правды относительно права закупа отлучиться со двора своего хозяина ради отыскания (в том числе - и заработка) средств для уплаты долга дает основание считать, что имущество закупа выступало обособленным, так как он мог им распоряжаться по своему усмотрению.

Субъектами права собственности не могли выступать лица рабского состояния - челядь и холопы; однако относительно последних следует заметить, что такая их категория, как ролейные холопы, будучи "посажеными на землю", могли, в отличие от "обельных" холопов, иметь в своей собственности определенное движимое имущество, в то время как земля оставалась собственностью их хозяина.

Что же касается таких категорий населения Руси, как изгои, прощеники, пущеники, задушные люди и т.п., то принадлежность их, или наоборот, исключенность из круга субъектов права собственности в каждом частном случае определялась особо.

Относительно субъектного состава носителей права собственности (владения) на землю укажем, что в Русской Правде нет точных и однозначно бесспорных сведений ни о самой структуре землевладения феодалов, ни о субъектах права владения землей, однако в ней упоминаются лица, которые жили на этих землях: тиун боярский (ст. 1), боярские холопы (ст. 46), боярские рядовичи (ст. 14). Из этого возможным будет, очевидно, предположить, что именно данные категории и выступали как условные владельцы (или пользователи - наверное, в каждом конкретном случае, исходя из общей логики Правды, это тоже определялось в отдельности) предоставленных им земель.

Имунитеты как субъекту права феодальной собственности предоставлялись и Церкви. Полемика по вопросу достоверности невмешательства государственной власти в дела церковные при государственном обеспечении Церкви, которая развернулась во второй половине XIX столетия, прекратилась с утверждением тезиса об оригинальности и достоверности уставов св. Владимира и Ярослава - единственных правовых памятников, содержащих конкретные сведения о древнерусской десятина⁸. Нет никакого сомнения, что при образовании отдельных епархий, монастырей и, в особенности, епископских кафедр великие князья Владимир и Ярослав наделяли новые церков-

ные учреждения и земельными угодьями⁹, обеспечивая их безбедное существование (в интересах как успешного служения церковным идеалам, так и государственным интересам)¹⁰. Едва ли возможно точно установить размеры церковных земельных владений в домонгольский период, но нужно, наверное, думать, что их целиком хватало на обеспечение служителей Церкви пищей, одеждой и жильем¹¹. В.М. Рычка замечал, что часто в монастырские и церковные сокровищницы попадали средства за обет от служилых людей, приводя в подтверждение этого замечания рассказ Киево-Печерского патерика об одном "муже", который, выступая в военный поход, дал обет внести определенную сумму на украшение монастыря, если возвратится живым¹².

Обращение к тексту памятника удостоверяет, что, кроме таких взносов, монастырь с готовностью принимал и пожертвования иного рода, называя "боярина Ивана", который дал монастырю "три взы брашна: хлебы и сыр и рыбу, сочиво же и пшено, аще же и меда"¹³.

Освобождение духовенства от общественных повинностей и сборов, а также некоторые доходы от отправления ими служб также составляли заметное вспомоществование для представителей церковной иерархии. Личный же иммунитет церковного клира, предоставленный ему уставами св. Владимира и Ярослава Мудрого, делал священнослужителей привилегированными гражданами Киевского государства, которые по воле русских князей распоряжались достаточными (если не сказать - огромными) материальными ресурсами. Через имущественные отношения Церковь определенным образом стремилась искоренять и социальные пороки, присущие древнерусскому обществу: так, в 59-й главе Кормчей книги помещен специальный наказ новорукоположенному иерею, которым предписывалось, чтобы он во время своего пастырского служения не принимал приношений от неверных еретиков, блудодеев, прелюбодеев, воров, разбойников, грабителей, жестоких правителей, владельцев развлекательных учреждений, клеветников, лжецов, волхвов, волшебников, а также от тех, кто "томит челядь свою голодом и ранами"¹⁴.

Однако абсолютного отдаления Церкви от мирской суеты не наблюдалось, и это вело к тому, что с течением времени размеры церковной собственности постоянно и систематически возрастали¹⁵. При этом, основывая новые монастыри,

князя не оставляли своим вниманием и пожалованьями также и уже существовавших как в Киеве¹⁶, так и в других землях Руси: “Михайловский в Переяславле, Борисоглебский в Чернигове, Иоанновский в Галиче, Лелесов близ Галича, Синеводский в Стрыйском округе, Борисоглебский и др.”¹⁷.

Следующий период - феодальной раздробленности и монголо-татарского нашествия - тоже давал достаточные свидетельства того, что в это время оставались в силе узаконения Владимира и Ярослава относительно церковной собственности. Во второй половине XIII столетия Устав князя Владимира был внесен в Кормчие книги, из которых одна написана была в Новгороде, а вторая - на Волыни. В конце XIII столетия один из епископов Владимирских писал к великому князю владимирскому, сыну Александра Невского: “Ведай, сын мой князь, как великие князья, твои прадеды, и деды, и отец твой великий князь Александр, украсили Церковь Божию клирошанами и книгами и обогатили дома ее великими десятинами по всем городам и судами церковными. А ныне, сын-князь, я отец твой, епископ Володимирский, напоминаю тебе, сыну своему, в Церкви Божией: сам ты ведаешь, что Церковь и ограблена и дома ее пусты”¹⁸. Вслед за этим епископ перечисляет “суды церковные” в таком же порядке, в котором они приведены в Уставе кн. Владимира, и завершает послание словами: “*То все суды церковные, данные законом Божиим прежними царями и нашими великими князьями; князю, и боярам, и судьям в те суды не должно вступаться*”¹⁹.

Очевидно, что если бы Устав Владимира не был действующим на момент написания такого послания, то едва ли епископ отважился бы ставить в укор это своему великому князю, а из слов епископа, что не только сам этот князь, но и отец его приумножили богатство Церкви “десятинами и судами церковными”, логичным будет допустить мысль, что и Александр Невский во время своего княжения тоже подтверждал действие Устава Владимира. Однако уже на протяжении всего XIV столетия не наблюдается, чтобы какой-либо князь подтверждал для Церкви древние церковные Уставы или чтобы какой-то митрополит или епископ просили о том князя, - наверное, в этом не было никакой потребности, поскольку основным правоустанавливающим документом периода монголо-татарского нашествия выступа-

ли ханские ярлыки русскому духовенству, а в ярлыках ханы ясно говорили: “Да вси покарятся и повинуются митрополиту, вся его церковныя причты, по первым изначала законом их... да не вступаются в церковное и митрополитское никто же... но вся стяжания и имения их церковныя, и люди их, и вся причты их, и вся законы их, уложенные старые от начала их, то все ведает митрополит или кому прикажет; да не будет ничто же пересказываемо, или затрунуто, или кем избижено”²⁰.

При такой охране от ханов, естественно, что никто из подданных не посягал на права Церкви и духовенства; и если ханскими ярлыками подтверждались *все* древние законы²¹, то ли не означает это, что тем самым подтверждались ими и церковные Уставы Владимира и Ярослава?

В постановлениях Русской Правды в подавляющем большинстве случаев речь идет об объектах права индивидуальной собственности, поскольку, скорее всего, в развитых районах, где в максимальном объеме действовало княжеское законодательство, индивидуальная (частная) собственность играла решающую роль: собственник, по Русской Правде, имел право распоряжаться имуществом, вступать в договоры, получать доходы от имущества, требовать защиты принадлежащего ему имущества при посягательстве других лиц на это имущество. Объектами права собственности, которые называет Правда, выступал достаточно широкий круг вещей - лошади, рабочий скот, одежда, оружие, орудия труда, торговые товары и др. Отсюда очевидным будет вывод, что исторически раньше всего, наверное, появилось понятие индивидуально определенного права собственности на движимое, личное имущество²². Параллельно следует отметить, что хотя в X-XI вв. семейно-родственные и территориально-общинные устои на Руси были еще довольно крепки, однако определить вследствие этого как наиболее распространенную форму собственности собственность не индивидуальную, а общинную, коллективную будет все-таки задачей весьма сложной - через очевидную недостаточность достоверных источников, которыми бы это удостоверилось однозначно.

Со времени зарождения законодательного регулирования имущественных отношений главнейшим среди объектов права собственности всегда выступала земля. Развитие регулирования шло в направлении все более четкого юридичес-

кого определения земельной собственности и режима распоряжения ею собственниками²³. Собственникам (государству в лице великого князя, определенным коллективам - общине, семье, отдельным лицам) на разных этапах принадлежало в различных пределах право владения (факт владения), право пользования (получения доходов) и право распоряжения (определения юридической судьбы вещи). Укажем при этом, что в феодальном обществе содержание права собственности феодалов на землю определялось в первую очередь их взаимными связями между собою и связями с государством, т.е. системой сеньориально-вассальной зависимости, а в крестьянской среде - системой запретов на распоряжение. От расхождений этих отношений зависели как расхождения в статусе и правовом режиме различных объектов права земельной собственности, так и сами общественно-экономические отношения феодалов и зависимого населения²⁴.

Русская Правда тоже уделяла достаточное внимание регулированию права собственности на землю, однако в ней имеется лишь ограниченный круг статей [ст. 71 (*“Аже разнаменаеть борть, то 12 гривен”*)²⁵, ст. 72 (*“Аже межю перетнетъ бортьную, или ролеиную разореть, или дворную тыном перегородить межю, то 12 гривен продажи”*)²⁶, ст. 73 (*“Аже дуб подотнетъ знаменьныи или межъныи, то 12 гривен продаже”*)²⁷ Пр. Пр.; ст. 34 (*“А иже границу переореть любо перетес, то за обиду 12 гривне”*)²⁸ Кр. Пр.], которыми устанавливаются штрафы в размере 12 гривен за нарушение права земельной собственности: уничтожение земельной или бортовой межи, а также уничтожение межевого знака (*“перетеса”*), сделанного на дереве²⁹. Из анализа текста Русской Правды с очевидной точностью нельзя установить, чья и чего конкретно это межа - полевого земельного участка, дворовая, верви, кем она установлена - смердом, общиной или феодалом; несомненным может выступать лишь вывод, что всякое владение имело свои четко определенные границы, утвержденные верховным собственником - князем, и знаки этих границ были неприкосновенными для других лиц, будучи защищенными правовой нормой³⁰.

Известные на сегодня источники удостоверяют наличие в рассмотренный период также индивидуального крестьянского хозяйства; однако конкретно они указывают лишь на существование сел, погостов, вервей, весей - сельских на-

селенных пунктов с компактными формами владения. По нашему мнению, вероятно, что это соседские общины с индивидуальной формой собственности, с дворовыми наделами и периодическими переделами пахотной земли.

Формы земельной собственности могли быть разными и, кроме семейно-индивидуальных и общинных хозяйств, имелись следующие. Княжеский домен представлял собой конгломерат земель, принадлежавших лично князю. Князь через своих управляющих взимал там оброки, накладывал другие повинности, распоряжался землями по собственному усмотрению. Известия о княжеских землях датируются уже X в.: княгине Ольге принадлежали села Олжичи, Будутино; Владимир владел селом Преславиным и населенным пунктом Берестово с сотнями наложниц³¹. П.П. Толочко указывал, что летописная статья 996 г., рассказывающая о завершении строительства Десятинной церкви, не оставляет сомнений в том, что великокняжеский домен к этому времени уже полностью определился, и Владимир Святославич как будничное дело выделил на содержание церкви святой Богородицы десятую часть прибылей от *“именя моего и отъ градъ моихъ”*³².

С конца X в. начинается и формирование домениальных владений удельных князей, чему в значительной мере оказывало содействие реформирование Владимиром порядка престолонаследования, вследствие которого все виднейшие древнерусские земли передавались в управление сыновьям великого князя. По определению П.П. Толочко, владения эти, конечно, были условными, их мог отобрать или заменить великий киевский князь в любой момент, но в то же время эти владения порождали и вотчинные претензии³³.

Большое значение имел фонд государственных земель, обложенных данью. Формировались они путем *“окняжения”* и военных захватов. Государственные земли охранялись на Руси веками и были важным источником пополнения сокровищницы; ученые вели длинную полемику о принадлежности этих земель: одни считали их непосредственно государственной собственностью, другие - собственностью крестьян (или общины), которые имели право распоряжаться землей, но с сохранением повинностей при переходе к новому собственнику. Как представляется, право на существование имеют оба подхода к решению этого вопроса.

Отсюда возможным будет определить следующие основные формы земельной собственности в Киевской Руси, выделяемые Русской Правдой: 1) княжеский домен; 2) боярская вотчина; 3) монастырская вотчина; 4) личная вотчина церковных иерархов; 5) земля общины; 6) лично-семейный земельный участок; 7) незаселенные свободные (государственные) земли, верховным собственником которых выступал великий князь как глава государства.

Анализ постановлений Русской Правды дает достаточный материал для определения тех основных способов приобретения права собственности, которые признавались законодательством Киевской Руси. Очевидно, что собственность феодалов возникала как частная в виде доменов, боярских и монастырских вотчин и была основана преимущественно на княжеских пожалованиях. Источником его сначала были заимка, освоение свободных земель руками холопов и зависимых крестьян. Позднее главным способом приобретения земли стал прямой ее захват у соседских территориальных общин ("окняжение" и "обояривание" земли). Главными источниками складывания феодальной земельной собственности, о которых Русская Правда дает достоверные сведения, были: а) раздача князем земель за службу и для службы; б) освоение свободных земель ("заимка"); в) прямой захват общинных земель ("окняжение" и "обояривание" земли); г) купля; д) дарение; е) наследование; ж) мена.

В XI столетии летописи еще упоминают о селах "народных дружинников", но уже в XII в. вотчины бояр становятся полностью выделенной частной собственностью³⁴. Князья раздавали землю под условием службы, но условные держания могли быть не только в системе "князь - боярин", но и в самой боярской иерархии ("боярин - боярин"). Княжеская раздача земель сопровождалась получением иммунитетов (права на совершение определенных, независимых от прямой воли князя действий в этих владениях) - в сфере судебной, финансовой, управления³⁵.

Обращение к постановлениям Русской Правды свидетельствует, что подходы древнерусского законодателя к защите права собственности существенно различались в зависимости от того, что именно должно было выступать объектом защиты - недвижимость или движимое имущество. Общий принцип защиты права на движимую собственность в Правде заключался в том,

чтобы обеспечить возвращение ее законному собственнику и уплату ему штрафа как компенсации за причиненные убытки и вред. Движимая собственность (включая холопов) считалась в Русской Правде объектом полного господства собственника, поэтому при спорах о ее возвращении государство (в лице князя) не накладывало штрафов в свою пользу, а стороны должны были сами разрешить спор между собою³⁶.

Одним из действенных средств защиты права собственности на движимость, устанавливаемых Русской Правдой (и чем со всей очевидностью этого удостоверяется высокий уровень правовой мысли того времени), выступал виндикационный иск. Возврат вещей из чужого незаконного владения требовал определенной процедуры, свидетельских показаний и разбирался (при необходимости) перед "изводом из 12 мужей" (ст. 13, 14, 15, 16 Кр. Пр.; ст. 34, 35 Пр. Пр.): *"Аже кто познаеть свое, что будет погубил или украдено у него что и, или конь, или порт, или скотина, это не рци и: сие мое, но поиди на свод, где есть взял; сведитесь, кто будет виноват, на того татба снидеть, тогда вон свое возьмет, а что погубло будет с нимъ, то же ему начнет платить; аще будет коневыи тать, выдати князю на поток; паки ли будет клетныи тать, то 3 гривны платить ему"*³⁷.

Нашел в Русской Правде свое отражение и процесс усиления правовой охраны собственности со значительно более выделенными конкретными обстоятельствами нарушения права - и в зависимости от того, кому принадлежали те или другие объекты (т.е. различным по своему социальному статусу субъектам), и от обстоятельств противоправного деяния: так, если в Краткой Правде величина штрафа за нарушение права собственности путем кражи имущества преимущественно зависела только от вида и количества украденного, - например, скота [ст. 28 Кр. Пр. (*"А за княжь конь, иже той с пятном, 3 гривне, а за смердеи 2 гривне, за кобылу 60 резан, а за корову 40 резан, а третьякъ 15 кун, а за лоньщину пол гривне, а за теленка 5 резан, за яря ногата, за боран ногата"*)³⁸], то в Пр. Пр. (ст. 41 и 42) величина штрафа уже определялась и в зависимости от места осуществления преступления - украден был этот скот из закрытого помещения или с поля³⁹.

Главным определяющим моментом в установлении законодателем тех или иных штрафов

за нарушение права собственности выступало не столько определение размера причиненного вреда в денежном выражении, сколько перечень конкретных объектов права собственности, относительно которых это право могло быть затронуто. Вообще, целая группа статей Русской Правды защищает движимую собственность и право собственности на нее: значительные штрафы назначаются за разрушение омшаников (“бортей” - ст. 32 Кр. Пр.), бобринных ловищ (ст. 69 Пр. Пр.), за кражу ловчих соколов или ястребов (ст. 81 Пр. Пр.). Пространная Правда дает многочисленные примеры достаточно детальной регламентации различных казуистических случаев нарушения права собственности и назначаемых взысканий за эти посягательства на собственность - в зависимости от вида, способа и размера причиненного данным правонарушением вреда; ст. 76 Пр. Пр. определяет: “Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи; а за мед, аже будет пчелы не лажены, то 10 кун; будет ли олек, то 5 кун”⁴⁰.

Статья 80 Пр. Пр. защищала право собственности на ловчие орудия: “Аже кто подотнет вервь в перевесе, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кун”, а ст. 81 определяла неприкосновенность чужой охотничьей добычи и хозяйственной птицы: “Аже кто украдет в чьем перевесе ястреб или сокол, то продаже 3 гривны, а господину гривна, а за голубь 9 кун, а за курия 9 кун, а за утовь 30 кун, а за гуся 30 кун, а за лебедь 30 кун, а за жеревль 30 кун”⁴¹.

Подтверждением неординарных подходов Правды к защите права собственности представителей разных социальных слоев населения Руси выступает и то, что она содержала ряд специальных постановлений, направленных на защиту собственности “торговых людей”: так, купец, который лишился имущества в результате стихийного бедствия, получал отсрочку выплаты долга; однако тот же купец, который проиграл свой товар, “пропился”, “пробился”, “прогулялся” или “в безумьи чюж товар испортить”, отдавался на полную милость кредитора и мог быть продан им в холопы (ст. 54 Пр. Пр.)⁴². При этом под особой охраной Правды находились как определенные объекты права собственности непосредственно, так и в целом имущественные интересы иностранных торговых людей (“гостей”): например, ст. 55 Пр. Пр. устанавливала порядок конкурса при взыскании долга, согласно которому в первую очередь взимался долг каз-

не (князю), во вторую - долг иностранному гостю и лишь в последнюю очередь - “домашним” кредиторам⁴³.

Высокие штрафы в 12 гривен кун устанавливаются и за нанесение телесных повреждений лицу, которые рассматривались Правдой не только как непосредственное оскорбление (“обида”) потерпевшему, но и как причинение вреда его способности к труду и к обретению им собственности: побои (“Аще ли кто кого ударит кнутом, либо жердью, либо пястью, или чашей, или рогом, или тылесницею, то 12 гривне” - ст. 3 Кр. Пр.⁴⁴; “Аще кто кого ударит кнутом, либо чашей, либо рогом, либо тылесницею, то 12 гривне” - ст. 25 Пр. Пр.)⁴⁵, выбитые зубы (“Аже выбьют зуб, а кровь видять в него во рте, а людное вылезуть, то 12 гривне продаже, а за зуб гривна” - ст. 68 Пр. Пр.)⁴⁶, повреждение усов или бороды (“А во все 12 гривне, а в бороде 12 гривне” - ст. 8 Кр. Пр.⁴⁷; “А кто порветь бороду, а вьньметь знамение, а людье вылезуть, то 12 гривен продаже” - ст. 67 Пр. Пр.)⁴⁸, отрезанные или поврежденные рука (“Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука либо усохнет, то 40 гривен” - ст. 5 Кр. Пр.⁴⁹; “Аче ли утнеть руку, и отпадеть рука или усхнеть, или нога, или глаз, или не утнеть, то полувирье 20 гривен, а потому за век 10 гривен” - ст. 27 Пр. Пр.)⁵⁰, палец (“Аще ли перст утнеть который либо, 3 гривны за обиду” - ст. 7 Кр. Пр.⁵¹; “Аже перст утнеть кии либо, 3 гривны продаже, а самому гривна кун” - ст. 28 Пр. Пр.)⁵².

В особенности жестко ограждалась Правдой земельная собственность. Статьей 34 Кр. Пр. устанавливается штраф в 12 гривен кун за нарушение земельной межи⁵³. Однако, по мнению И.П. Сафроновой, которое мы полностью разделяем, настолько высокий по тогдашним меркам штраф в 12 гривен, скорее всего, не мог быть отнесенным ко всем без исключения случаям нарушения кем-либо чьего угодно права собственности на землю и, в частности, к случаю перепахивания крестьянской межи, поскольку даже за кражу княжьего коня Правдой устанавливался штраф лишь в 3 гривны. Отсюда очевидным, видимо, будет вывод, что постановление о штрафе в 12 гривен имело место в случае нарушения именно границы княжеского земельного участка - как объекта, особо охраняемого правовыми средствами. Хотя, с другой стороны, возможным, наверное, будет предположение, что именно недифференцированность штрафа за нарушение земель-

ной межи указывала на то, что все земли являются собственностью одного верховного собственника - князя, и в любом случае нарушения межи - то ли между "ролейную переореть", то ли "дворную перетнеть", то ли какую-то другую, однако штраф за ее нарушение во всех случаях назначался одинаковый - 12 гривен. Наверное, нарушая земельную межу, нарушитель посягал одновременно и на право владельца, и на право верховного земельного собственника, и на его волю, согласно которой тот или другой владелец и получал в свое владение определенный надел земли.

Статья 32 Правды Ярослава⁵⁴ утверждала факт особой охраны княжеской собственности, установив штраф за порчу княжеской борти⁵⁵. Аналогичное (к тому же и более расширенное - под охраной была не только самая борть, но и дерево, на котором она находилась, т.е. собственником борти мог выступать не только князь, но и другой землевладелец) постановление помещалось и в ст. 75 Пр. Пр.: "Аже борть подьтнеть, то 3 гривны продаже, а за дерево полгривны"⁵⁶.

На наш взгляд, отсюда возможным будет сделать вывод о том, что охрана частной собственности была одним из главных назначений Русской Правды: как упоминалось выше, согласно ст. 71 Пр. Пр., уничтожение знака собственности на бортовых деревьях влекло за собой штраф в 12 гривен;⁵⁷ такой высокий штраф означал, прежде всего, усиленную защиту не только собственно борти как особо значимого объекта права собственности (по сравнению: "разнаменаеть" (ст. 75 Пр. Пр.) - 12 гривен, "подьтнеть" (ст. 71 Пр. Пр.) - 3 гривны), а самого принципа незыблемости частной собственности, на который покушался злоумышленник⁵⁸. Статьи 69⁵⁹ и 70⁶⁰ Пр. Пр., охраняя интересы, в первую очередь, частных собственников-феодалов и устанавливая высокие штрафы за нарушение их права собственности, берут под свою защиту практически все их имущество.

Еще одним особым субъектом, право собственности которого находилось под отдельной правовой охраной, выступала Церковь. Сначала имущественные права Церкви в Киевской Руси обеспечивались и ограждались гарантиями преимущественно религиозно-морального характера, который Устав князя Владимира определял следующим образом: "Кто переступит си правила, яко же есмы управили по святых отець правилом и пьрвых царев управленью, кто

иметь преступать правила си, или дети мои, или правнучата, или в котором городе наместник, или тиун, или судья, а пообидять суд церковныи, или кто иныи, да будут прокляти в сии век и в будующии семии святых отець вселеньских"⁶¹. Однако уже ст. 38 Краткой редакции Устава Ярослава Мудрого устанавливала конкретную санкцию со стороны государственной власти за нарушение права церковной десятины и всех других имущественных прав как Церкви в целом, так и церковных иерархов лично - как отдельных (раздельных) субъектов имущественных отношений (т.е. того, что князь "есмы дал митрополиту и церкви и пископьям по всем градом"), определяя правило: "А кто уставление мое нарушит, или сынове мои, или внуци мои, или прануци мои, или вот рода моего кто, или от бояр кто, а нарушат ряд мои и вступятся, в суды митрополити, что есмы дал митрополиту и церкви и пископьям по всем градом по правилом святых отец, судивше, казнити по закону"⁶² (выделено нами. - В.Р.).

* * *

Таким образом, возможным, очевидно, будет вывод о том, что в законодательстве Киевской Руси - Русской Правде, церковных Уставах Владимира и Ярослава, отдельных княжеских постановлениях, грамотах и т.п. - нашли свое отражение процессы становления и развития института права собственности, происходившие в ходе социально-экономической эволюции древнерусского общества. Феодальный закон, как отмечал Б.Д. Греков, защищал интересы крупных землевладельцев, "...укреплял их права на землю и сидящих на этой земле земледельцев-крестьян..."⁶³. Государство в лице великого киевского князя оказывало содействие усилению боярства как своей опоры, щедро раздавая его представителям земли, принуждением и правовыми предписаниями расширяя и укрепляя власть бояр над крестьянами, тем самым содействуя постепенному преобразованию боярской вотчины в сеньорию, ускоряя процессы замены отработочной ренты оброком, а самого боярина - на сюзерена по отношению к своим дружинникам и государя для своих подданных.

Возрастание земельных владений верхушки общества и законодательное закрепление ее собственностических прав сделали ненужной прежнюю форму государства, в которой единственным олицетворением государственности выступал великий ки-

евский князь; достигнутая удельными князьями и боярством экономическая самостоятельность требовала ее перерастания в самостоятельность политическую, следствием чего и становится феодальная раздробленность, когда в результате расчленения доселе единого Киевского государства образуются самостоятельные удельные княжества. Эти процессы, в свою очередь, определили и необходимость изменений в законодательном урегулировании отношений собственности в новых политических и экономических условиях, содействуя образованию и закреплению расчлененной феодальной собственности на землю как основы феодально-иерархического общества. Тем не менее справедливым будет отметить, что коренных изменений в регулировании отношений собственности в феодально-раздробленной Руси не произошло, и основным источником правовых норм в этом плане продолжала оставаться Русская Правда. Такие изменения наступили несколько позже - когда, с одной стороны, северо-восточные русские земли начала собирать Москва, а юго-западные оказались включенными в состав различных иностранных государств (Великого княжества Литовского, Польши, а после их объединения в результате Люблинской унии 1569 г. - Речи Посполитой), и системы права собственности в этих землях с данного времени получают в своем развитии несколько разновекторную направленность.

¹ Хачатуров Р.Л. Русская Правда. Тольятти, 2007. С. 3-4.

² Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 171.

³ Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси с Византией. М., 1988. С. 37-41.

⁴ В.И. Сергеевич указывал, что "...самое слово "собственность" в древнее время не было известно. Вместо него употреблялись описательные выражения: моя, твоя земля, моя купля, купил впрок, в дернь". (Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 4-е. СПб., 1910. С. 524-525).

⁵ Как замечал А.В. Венедиктов, "...в отличие от римского права, резко отграничивавшего право собственности как от владения, так и от вещных прав на чужую вещь, феодальное право даже и на поздних ступенях своего развития не проводило столь же четкой границы между отдельными формами вещно-правового господства. В течение ряда столетий оно обходилось даже без особого технического термина для обозначения права собственности. В Германии соответствующая терминология образовалась лишь в XIII-

XIV вв. (*Eigenschaft, Eigentum*). В России термины "собственность" и "право собственности" появились лишь в XVIII в." (Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.: Л., 1948. С. 102-103).

⁶ А поскольку Русская Правда строилась по казуальной системе, постольку законодатель стремился не установить некое общее правило, а предусмотреть все возможные, по его мысли, жизненные ситуации. Как замечал по этому поводу Б.Д. Греков, "...впечатление от Правды Ярославичей, как, впрочем, и от Пространной Правды, получается такое, что изображенный в ней хозяин вотчины с сонмом своих слуг разных рангов и положений - собственник земли, угодий, двора, рабов, домашнего скота и птицы, владелец своих крепостных, - обеспокоенный возможностью убийства и краж, стремится найти защиту в системе серьезных наказаний, положенных за каждое деяние, направленное против его прав. Это впечатление нас не обманывает. Действительно, "Правды" защищают вотчинника-феодала от всевозможных покушений на его слуг, крестьян, рабов, рабынь, на его землю, коней, волов, уток, кур, собак, ястребов, соколов и пр." (Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 148).

⁷ Статья I Краткой Правды устанавливала: "*Убьеть муж мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, либо отцю сына, или братучаду, либо сестрину сынови; аще не будет кто мьстя, то 40 гривен за голову: аще будет русин, либо гريدин, либо купчина, либо ябетник, либо мечник, аще изгой будет, либо словенин, то 40 гривен положити за нь*". (Правда Русская. Ч.2. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. М.: Л., 1947. Ст. 1. С. 15). Н.А. Максимейко писал по поводу содержания ст. I Краткой Правды: "...первая ее половина относится ко всему населению... В таком же общем смысле определена была сначала и 40-гривенная плата за голову в случае отсутствия мстителей. Но... далее, очевидно, для того, чтобы не дать повода к недоразумению, составитель Русской Правды спешит поправить: он оговаривается, что упомянутые 40 гривен взыскиваются только тогда, если убиты такие-то лица. Эта оговорка косвенно наталкивает на тот вывод, что в других случаях платился иной штраф. ... Если бы составитель Русской Правды хотел очертить приблизительно состав современного ему населения, то, конечно, он назвал бы его основные классы - бояр, горожан и смердов, а не случайные и дробные деления... Если бы... он имел в виду всех свободных людей, то он мог бы ограничиться наименованием словен и русинов, но не перечисляя их отдельных разрядов. Итак, уже при Ярославе Мудром не все свободные одинаково охранялись уголовным законом". (Максимейко Н.А. Мнимые архаизмы уголовного права Русской Правды // Вестн. права. 1905. Март - апрель. С. 126-127, 130). Со временем дифференциация правовых предписаний Правды в зависимости от социального положения их субъектов все больше усиливалась, и уже ст. I Про-

странной Правды определяла: “Аще убиет муж мужа, то мстити брату брата, либо отцу, ли сыну, либо брату чадо, ли братню сыновиа; аще ли не будеть кто его мстыя, то положити за голову 80 гривен, аче будеть княж моуж или тиуна княжа; аще ли будеть русин, или гридь, либо купець, либо тивун боярск, либо мечник, либо изгой, ли словени то 40 гривен положити за нь” (Правда Русская. Ч. 2. Комментарий. Ст. 1. С. 241). Д. Иванишев проводил здесь параллели между постановлениями Русской Правды и законодательством германцев: “Для лиц, состоящих в некоторых должностях, присваивается вира свободного человека - как в законах Салических или в законах Рипуариев (*L. Sal. et., Tit. 56; L. Rip., Tit. 53*), где *pueri regis aut hominess regis*, из какого бы звания они ни были, имеют виру свободного... Ярослав и воспользовался развитою в его время... германскою вирою” (*Иванишев Д.* О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою вирою. Киев, 1840. С. 92, 94).

⁸ В.И. Даль определял “десятину” как “...десятую часть чего, подать, составляющую десятичную часть с имущества или дохода; округ, известное число церквей и монастырей в ведении десятичника” (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е, испр. и умнож. Т. 1. СПб.; М., 1880. С. 433).

⁹ Я.Н. Щапов и М.Б. Свердлов считали, что передача князьями своих доменных земельных угодий монастырям с юридической точки означала переход этих земель в феодальную собственность последних (см.: *Щапов Я.Н.* Церковь в системе государственной власти Древней Руси // *Древнерусское государство и его международное значение.* М., 1965. С. 232; *Свердлов М.Б.* Генезис и структура феодального общества Древней Руси. Л., 1983. С. 106-135). И.Я. Фроянов, в отличие от этого, считал, что предоставление князьями земель монастырям не носила феодального характера, а лишь создавала условия для эволюции пожалованной земли в феодальную собственность, т.е. передача волостей означала уступку права сбора налогов и получения других доходов с переданных земель (*Фроянов И.Я.* Церковно-монастырское землевладение и хозяйство на Руси XI-XII вв. // *Проблемы отечественной и всеобщей истории.* Л., 1973. С. 89-90). Однако, как замечал В.М. Рычка, такая точка зрения не получила широкой поддержки среди исследователей этого вопроса (*Рычка В.М.* Церковні володіння в структурі феодальної власності Давньої Русі // *Економіка Радянської України.* 1988. № 5. С. 49-50).

¹⁰ Протоиерей С. Дымов отмечал, что “...особенно богаты были землями древнерусские монастыри. Они пользовались большой любовью и уважением князей и простых людей, которые находили в монастырях горячих молитвенников за землю Русскую, за Церковь, за живых и умерших. Кроме того, монастыри были центрами духовного просвещения и школами христи-

анского благочестия, где готовились виднейшие деятели Русской Православной Церкви. Поэтому знатные люди ничего не жалели для подвижников благочестия и дарили монастырям все, чем славилась Русская земля” (*Прот. С. Дымов.* Церковь и государство в Киевской Руси: докл., прочитанный на IX Междунар. конгрессе Общества восточного канонического права “Церковь и государство на христианском Востоке”. Кавала (Греция), 11-24 сент. 1989 г. // *Журн. Моск. Патриархии.* 1990. № 6. С. 59).

¹¹ Митрополит Макарий, характеризуя земельную собственность Киево-Печерского монастыря, писал: “К прежним селам, какими владел монастырь, присоединялись новые. Так, Ярополк Изяславич, князь Владимира Волынского, подражая отцу своему Изяславу в любви к Печерской обители, отдал ей свое все достояние (1086), волости Небольскую, Деревскую, Лучскую и около Киева. Один из постриженников Киево-Печерских, епископ Ефрем, пожертвовал Печерскому монастырю (прежде 1096) двор в Суздале с церковью святого Димитрия и с селами. Вместе с тем обитель получала и другого рода пожертвования. Минский князь Глеб Всеславич, зять Ярополка Волынского, принес ей 600 гривен серебра и 50 гривен золота, а по смерти этого князя (1119) супруга его Анастасия Ярополковна дала еще 100 гривен серебра и 50 гривен золота. Суздальский тысяцкий князь Георгий, сын Шимона Варяга, в 1130 г. прислал в обитель 500 гривен серебра и 50 золота на покровение раки преподобного Феодосия, а потом пожертвовал обители и ту гривну, которую носил на себе, и в которой заключалось 100 гривен золота” (*Митрополит Макарий.* (М.П. Булгаков). История Русской Церкви. СПб., 1866. Т. 1. Отд. IV. С. 91-92).

¹² *Рычка В.М.* Указ. соч. С. 49.

¹³ Киево-Печерский Патерик. Киев, 1930. С. 57.

¹⁴ *Розенкампф Г.А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1839. С. 97-98.

¹⁵ Митрополит Макарий отмечал, что кроме Киево-Печерского, который “средствами для своего содержания ... без сомнения, был нескуден”, также в Киеве “...возникли вновь следующие монастыри: *Дмитриевский; ... Выдубицкий; ... Всеволожин; ... Спасский на Берестове; ... Симеоновский; ... Кловский, или Стефанеч; ... Андреевский, или Янчи; ... Лазарев; ... Феодоровский; ... Вотчий; ... Кирилловский*” (*Митрополит Макарий* (М.П. Булгаков). Указ. соч. С. 107-122).

¹⁶ “Воздвигая и украшая в Киеве новые монастыри, - пишет митрополит Макарий, - благочестивые князья наши не оставляли без своего покровительства и прежних. Так, великий князь Святополк Изяславич соорудил в 1108 г. великолепную каменную церковь во имя архистратига Михаила в Киево-Михайловском монастыре, украшенную внутри мусиею, с пятнадцатью позлащенными главами, отчего монастырь получил название Златоверхого. Князь Мстислав Владими-

рович в 1113 г. перестроил весь Николаевский монастырь, около того же времени преобразованный из женского монастыря в мужской, монастырь этот упоминается еще около 1054 г., когда постриглась в нем мать преподобного Феодосия, и, следовательно, основан был гораздо прежде. Очень вероятно, судя по указанным примерам, что и другие киевские монастыри, продолжавшие существовать, именно: Георгиевский и Иринский, основанные великим Ярославом, получали от потомков его подобного же рода вспомоществования. Таким образом, в Киеве, сколько известно, в настоящий период было всех монастырей тринадцать: четыре и потом три женских, девять и потом десять мужских”. (См.: *Митрополит Макарий* (М.П. Булгаков). Указ. соч.).

¹⁷ *Митрополит Макарий* (М.П. Булгаков). Указ. соч. С. 107-109.

¹⁸ *Мысовский К.* Древнерусское церковное право // Православный собеседник. 1862. Кн. VII. С. 63-65.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 51-52.

²¹ Историк Церкви Митрополит Макарий указывал: “Права и льготы, какие предоставляли ордынские ханы Русской Церкви и духовенству в своих ярлыках, были следующие: 1. Ярлыки охраняли святость и неприкосновенность веры, богослужения и законов Русской Церкви. “Кто веру их (русских) похулит или ругается, тот ничем не извинится и умрет злою смертию... Что в законе их иконы и книги или иное что, по чему Бога молят, того да не емлют, ни издерут, ни испортят” (ярлык Менгу-Темира). “Вся законы их уложенные старые от начала их - то все ведает митрополит или кому прикажет; да не будет ничто же перечинено, или порушено, или кем избижено... Да все будут целы соборная церковь митрополитичи, никем, ни от кого не избижены... Что закон их и в законе их церкви, и монастыри, и часовни их, ничем да не вредят их, ни хулят; а кто учнет веру хулити или осуждати, и тот человек не извинится ничим же и умрет злою смертию” (ярлык Узбека). 2. Ярлыки охраняли неприкосновенность всех лиц духовного звания, а также всех церковных людей, т. е. мирян, находившихся в церковном ведомстве и живших на церковных землях, и, наконец, всего церковного имущества. “Да никто же обидит на Руси соборную Церковь митрополита Петра, и его людей, и церковных его; да никто же взимает ни стяжаний, ни имений, ни людей... Вся его люди и вся его стяжания, как ярлык имеет: архимандриты, и игумены, и попы, и вся причты церковныя, - ничем никто да не будет избижен... Что будут церковные люди: ремесленники кои, или писцы, или каменные здатели, или деревянные, или иные мастера каковы ни буди, или ловцы какова лова ни буди, или сокольницы, - а в то наши никто не вступаются и на наше дело да не емлют их; и пардусницы наши, и ловцы наши, и сокольницы наши, и побережницы наши да не вступают-

ся в них и да не взимают у них их дельных орудий, да не отнимают ничего же... Да не вступаются никто же ничем в церковныя и в митрополитичи, ни в волости их и в села их, ни во всякия ловли их, ни в борти их, ни в земли их, ни в улусы их, ни в лесы их, ни в ограды их, ни в волостныя места их, ни в винограды их, ни в мельницы их, ни в зимовища их, ни в стада их конныя, ни во всякия скотския стада” (ярлык Узбека). “Что церковныя земли и воды, домы, огороды, винограды, мельницы, зимовища, летовища, того у них никто ничего не замают, ни насилуют над ними; а кто будет что взял, и он отдаст беспосульно” (ярлыки Менгу-Темира, Тайдулы, Бердибека и Тюляка). В ограждение же жизни и собственности церковных людей сказано в одном ярлыке: “А кого наших послов или пошлинников убийют церковныя люди над своим добром, тому телева нет; а кого наш убийет церковных людей, и тот сама смертию да умрет” (ярлык Тюляка). 3. Ярлыки освобождали все духовенство, а также церковных людей и церковные имущества от всякого рода податей, пошлин и повинностей ханам. “Во всех пошлинах не надобе им (духовным) ни котора царева пошлина, ни царицына, ни князей, ни рядцев, ни дороги, ни посла, ни которых пошлинников, ни которые доходы” (ярлык Менгу-Темира). “Дань ли на нас емлют или иное что ни буди: тамга ли, поплужское ли, ям ли, мыт ли, мостовщина ли, война ли, ловитва ли коя ни буди наша или егда на службу нашу с наших улусов повелим рать сбирати, где восхотим воевати, а от сборныя Церкви и от Петра митрополита никто же да не взимает, и от их людей, и от всего его причта... По первому пути котора дань наша будет, или запросы наши наकिनем, или поплужное, или послы наши будут, или кормы наши и коней наших, или подводы, или корм послов наших, или наших цариц, или наших детей, и кто ни есть и кто ни будь, да не взимают, да не просят ничто же; а что возмут, и они отдадут назад третицею, аще будет взяли за нужду великую” (ярлык Узбека). “Весь чин поповский и вси церковнии люди, какова дань ни буди, или какая пошлина, или которые доходы, или заказы, или работы, или сторожа, или кормы, ино тем церковным людям ни видети, ни слышати того не надобь... Не надобь ему (митрополиту), ни его людям, ни всем церковным богомольцам, попом, и чернецом, и бельцом, и их людям, от мала и до велика, никакова дань, ни котора пошлина, ни корм, ни питание, ни запрос, ни дары, ни почестья не воздают никакова; ни служба, ни работа, ни сторожа, ни которые доходы, ни поминки, ни поклонное, ни выход, ни полетное, ни станное, ни въездное, ни мимоходное на дорозе послу, ни баскаку, ни которому моему пошлиннику” (ярлык Тюляка). “А что церковныя люди: мастера, сокольницы, пардусницы или которыя слуги и работницы, и кто ни будет их людей, тех да не замают ни на что, ни на работу, ни на сторожу” (ярлык Менгу-Темира). “А в церковных домех никто же не ставится, ни рушити их; а

кто ся в них имеет ставити или рушити их учнет, и тот во гресех да будет и умрет злою смертию” (ярлыки Бердибека и Тюляка). Вместе с духовными лицами освобождались от всякого рода повинностей и их братья и сыновья, но только в таком случае, когда жили не в разделе с ними: “Попове, един хлеб ядуще и во едином месте живуще, и у кого брат или сын, и те по тому ж пожалованы будут; аще ли от них отделилися, из дому вышли, и тем пошлины и дани давать” (ярлыки Менгу-Темира и Узбека). 4. Ярлыки освобождали духовенство и церковных людей от всякой ответственности пред властями и судами гражданскими во всех делах, даже в разбое и душегубстве, и подчиняли этих людей только власти и судам церковным. “Знает Петр митрополит в правду, и право судит, и управляет люди своя в правду, в чемнибудь: и в разбои, и в поличном, и в татьбе, и во всяких делах, ведает сам Петр митрополит един, или кому прикажет. Да вси покаряться и повинуются митрополиту, вся его церковныя причты, по первым изначала законом их и по первым грамотам нашим... Вся своя церковная управляет (митрополит), и судит, и ведает или кому повелит таковая деяти и управляти. А нам в то не вступатися ни во что, ни детям нашим, ни всем нашим князем нашего царства, и всех наших стран, и всех наших улусов” (ярлык Узбека). “Кто учинит татьбу, или ложь, или иное какое злое дело, а не имешь (митрополит) того смотри, или слуги твои почнут какову нужу церковным людем твоим творити, ино то на тебе, и ты сам ведаешь, каков ответ Богу за то воздаши, и тот грех на тебе, а мы о том ничто же не имеем” (ярлык Тюляка). “Кто разбоем, и татьбою, и ложью лихое дело учинит каково, а не имешь того смотри, и ты сам ведаешь, что будет тебе от Бога” (ярлык Бердибека). По какому побуждению и с какою целию монгольские ханы давали такие права и льготы русскому духовенству - это объясняют они сами в своих ярлыках: “Да не вступаются в церковное и митрополичье никто же, занеже то Божие есть все... Мы жалуем их ярлыки, да Бог нас пожалует, заступит; а мы Божия брежем и данного Богу не взимаем... да пребывает митрополит в тихом и кротком житии, без всякия гонки, да правым сердцем и правую мыслию молит Бога за нас, и за наши жены, и за наши дети, и за наше племя...” (ярлык Узбека). “Мы пожаловали попов, и чернцов, и всех богодельных людей, да правым сердцем молят за нас Бога и за наше племя, без печали, и благословляют нас... да не кленут нас, но в покои молятся за нас... Аще ли кто имать неправым сердцем за нас молити Бога, ино тот грех на нем будет” (ярлык Менгу-Темира). Все эти объяснения ханов мы признаем за сущую правду, а отнюдь не за притворство” (*Митрополит Макарий*. (М.П. Булгаков). Указ. соч. С. 114 - 119).

²² По наблюдениям Б.Д. Грекова, в Русской Правде содержится значительное количество свидетельств относительно круга объектов права собственности: “...клеть, хлев и полный, обычный в большом сельском

хозяйстве, ассортимент рабочего, молочного и мясного скота и обычная в таких хозяйствах домашней птицы. Тут имеются: кони княжеские и смердьи (крестьянские), волы, коровы, козы, овцы, свиньи, куры, голуби, утки, гуси, лебеди и журавли” (*Греков Б.Д.* Указ. соч. С. 148).

²³ А.Е. Пресняков считал весьма давним явлением боярское землевладение, замечая: “...упоминания (в летописях. - *В.Р.*) о боярских селах случайны и немногочисленны, но это - упоминания мимоходом, как о явлении обычном” (*Пресняков А.Е.* Лекции по русской истории. Т. 1. М., 1938. С. 195).

²⁴ Б.Д. Греков по этому поводу писал, что “...летописец в конце XI века, вспоминая прошлое и сравнивая его с настоящим, утверждал, что в старое время князья и дружинники добывали богатство главным образом войной с чужими народами, а свои имения не эксплуатировали чрезмерно. Сейчас дело переменялось. Эксплуатация своих имений стала главным источником обогащения, с чем связано и насилие над своими соотечественниками. Летописец осуждает этот образ действий своих современников и говорит, что именно за это навел Бог на русскую землю “поганые”, “а и скоты наши и села наша и имения за теми суть”. Летописец, стало быть, тоже подчеркивает наличие земельных владений у господствующих классов как в XI в., так и значительно раньше. Только в древние времена землевладельцы-де вели себя по отношению к своим подданным лучше, поэтому и имений у них никто не отнимал, что случилось позднее в наказание за их непохвальное поведение. Таков смысл рассуждений летописца” (*Греков Б.Д.* Указ. соч. С. 139).

²⁵ Правда Русская: Пространная редакция // Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 69.

²⁶ В данном случае Пространная Правда в развитии охраны частной собственности на землю идет еще дальше - для нее в ст. 72 характерной становится большая (в сравнении со ст. 34 Кр. Пр.) дифференциация возможных случаев нарушения межи: здесь особо выделяются “бортные”, “ролейные”, “дворные” межи, что дает основания говорить о дальнейшем развитии феодального хозяйства и, в первую очередь, - за счет общинных земель, а с другой стороны, предположить рост количества случаев нарушения права частной собственности в условиях все возрастающего социального неравенства. Ст. 72 Пр. Пр. в сравнении со ст. 34 Кр. Пр. вносит и еще одну новеллу, изменяя характер ответственности нарушителя: если в Кр. Пр. за нарушение межи виновный в этом выплачивал возмещение собственнику земли (“за обиду 12 гривне”), то в Пр. Пр. санкция приобретает государственную окраску, когда виновный карается продажей в пользу князя (“то 12 гривен продаже”), что означало окончательное закрепление государственной властью принципа непри-

косновенности собственности. С другой стороны, как считают некоторые авторы, в целом ст. 70-77 Пр.Пр. отображают борьбу общины против “обояривания” и “окняжения” земли (см.: Правда Русская: Пространная редакция. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 69, 108).

²⁷ Там же.

²⁸ Правда Русская: Краткая редакция // Российской законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 48.

²⁹ И.Д. Беляев писал: “В Правде сыновей Ярослава особенно замечательна статья о порче межи. В Ярославовой Правде о ней нет и помину. Но, конечно, необходимо должно допустить, что меры против порчи межей существовали, как в Ярославово время, так и прежде него, потому что в это время русский народ был земледельческим народом, а следовательно, дорожил своими полями, тем более, что тогда было еще очень немного обработанных полей. Межевыми знаками служили ямы, зарубки на деревьях и разные естественные признаки. Отсутствие в Ярославовой Правде узаконений относительно порчи межей можно объяснить тем, что Ярослав, конечно, представлял разбирательство дел этого рода или старому обычаю, или, что вероятнее, Судному Закону, в котором есть статья о порче межей. Но через 50 лет после смерти Ярослава русское общество уже настолько развилось, что не могло оставаться ни при обычном праве, ни при Судном Законе, полагавшем телесное наказание, несогласное с русским духом, и потребовало законов новых. Поэтому-то сыновья Ярослава и помещают в своей Правде статью относительно порчи межей. По Правде сыновей Ярослава, порча межей считалась очень важным преступлением - за нее назначалась пеня в 12 гривен” (Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 239).

³⁰ М.П. Мрочек-Дроздовский, рассматривая положения ст. 34 К. Пр. и ст. 72 Пр. Пр., замечал: “Значение межей весьма ясно выражается в Русской Правде. Межеопределение является одним из важнейших дел тогдашнего управления. Вместе с этим Русская Правда указывает отчасти и те способы, которыми определялись межи в то время: она указывает на межи, означаемые на земле (их можно перепахать, перегородить), и на межи судеревные (их можно перетесать); она указывает, кроме того, на природные межевые знаки (дуб межный). Из этих указаний, как они ни скудны и отрывочны, можно понять, что межевое дело во времена Русской Правды знало все те способы межеопределения, какие известны нам из позднейших памятников (естественные и искусственные межевые знаки)” (см.: Правда Русская. Ч. 2. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1947. С. 206).

³¹ Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X - первой половине XIII ст. М., 1977. С. 27.

³² Толочко П.П. Київська Русь. Киев, 1996. С. 163-164.

³³ Там же. С. 164.

³⁴ Пытаясь дать оценку этому явлению, Б.Д. Греков отмечал: “...вотчина в своем развитии прошла большой путь...: 1) она ясно обозначила грань между классом привилегированных землевладельцев и массой сельского населения, продолжающего жить в своих общинах; 2) владельцы вотчин заняли значительные пространства общинной земли и подчинили себе сидящих на этой земле общинников-земледельцев; 3) они же привлекли к себе значительную часть земледельцев, вынужденных покинуть общину, и превратили их в зависимых от себя людей. Таким образом, оформились три основные слоя сельского населения: 1) крестьяне-общинники, еще не попавшие под власть феодала; 2) крестьяне-общинники, очутившиеся вместе со своей землей под властью феодала; 3) люди, оторванные от общины, лишенные средств производства, в силу чего оказавшиеся на чужой земле в качестве зависимой от феодала рабочей силы” (Греков Б.Д. Указ. соч. С. 142-143).

³⁵ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: очерки X-XII веков. Л., 1993. С. 59.

³⁶ Ф.Л. Морошкин указывал, что “...самовольная защита не должна переходить за межу владения, ибо за ней начинается чужой мир, и еще менее в пределы земли самого нарушителя: ибо это значило бы нарушить мир владельца, т.е. учинить важное преступление. За межою обиженный владелец может преследовать бегущего вора или раба; но, поймавши его в чужом мире, не должен самовольно отнимать своего, а - пойманного раба должен вести к местному начальнику, тиуну или волостелю. Здесь открывается суд, т.е. разбирательство прав собственности, а не владения. Похититель удерживает вещь в своем владении, но должен присягнуть со своими родичами (*conjuratores*), что та вещь у него своя, доморощенная; если же вещь приобретена по передаче, то владелец должен поставить поручника (*Gewerman, auctor rei*) (Морошкин Ф.Л. О владении по началам русского законодательства. М., 1837. С. 241-243).

³⁷ Правда Русская. Ч. 2. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. С. 368.

³⁸ Правда Русская: Краткая редакция. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 48.

³⁹ Ст. 41 устанавливала: “Аще крадет кто скот в хлеве или клеть, то же будет один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будет ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платит”. А ст. 42 определяла: “Аже крадет скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун; будет ли их много, то всем по 60 кун” (Правда Русская. Ч. 2. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. С. 390). М.Ф. Владимирский-Буданов усматривал в отличиях постановлений Правды разницу “...кражи собственности охраняемой от кражи собственности нео-

храняемой. Крадущий из хлева должен преодолеть больше препятствий, чем крадущий на поле, и потому первый обнаруживает большую напряженность злой воли, чем второй... По этой же причине клетный тать (ворующий изнутри дома) подвергался 3-хгривенной продаже, равно и крадущий гумно или хлеб из ямы” (Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. 5-е изд. Киев, 1899. Прим. 63).

⁴⁰ Правда Русская: Пространная редакция. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 69.

⁴¹ Там же. С. 70.

⁴² “Аже который купецъ истопитиься. Аже который купецъ, где любо шед с чюжими кунами, истопитиься любо рать возметъ ли огонь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнетъ от лета платити, тако же платити, зане же пагуба от Бога есть, а не виноватъ есть; аже ли пропиеться, или пробиеться, а в безумы чюж товар испортити, то како любо тем, чии той товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продаять ли, а своя им воля” (Правда Русская. Ч. 2. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. С.429). М.Ф. Владимирский-Буданов, анализируя ст. 54 Пространной Правды, выделял три вида несостоятельности должника: “1) несостоятельность, возникшая не по вине должника, из случайных причин (пожара, кораблекрушения, истребления имущества неприятелями); в таком случае наступает обязательная рассрочка долга; 2) несостоятельность, возникшая по вине должника (пьянства, расточительности); при этом предоставляется выбору кредитора - или отсрочить уплату долга, или же продать должника в рабство; 3) несостоятельность мнимая (злостное банкротство), когда должник преследуется и наказывается как вор - уголовным порядком” (Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 5-е изд. Киев, 1907. С. 407).

⁴³ “О долзе. Аже кто многим долженъ будеть, а пришел гость из инога города или чюжеземець, а не ведая запустити за нь товар, а опять начнетъ не дати гости кун, а первии далжебити начнутъ ему запинати, не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же и отдади же первое гостины куны, а домашним, что ся останеть кун, тем же ся поделять; наки ли будутъ княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прок в дел; аже кто много реза имал, не имати таму” (Правда Русская. Ч. 2. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. С. 435). А.И. Загоровский указывал, что должник по своим долгам отвечал своей личностью (Загоровский А.И. Исторический очерк займа по русскому праву до конца XII ст. Киев, 1875. С. 48-49).

⁴⁴ Правда Русская: Краткая редакция. Т.1. Законодательство Древней Руси. С. 47.

⁴⁵ Там же. С. 65.

⁴⁶ Там же. С. 69.

⁴⁷ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 47.

⁴⁸ Там же. С. 69.

⁴⁹ Там же. С. 47.

⁵⁰ Там же. С. 65.

⁵¹ Там же. С. 47.

⁵² Там же. С. 65.

⁵³ “А иже между переоретъ любо перетес, то за обиду 12 гривне” (Правда Русская: Краткая редакция. Т. 1. Законодательство Древней Руси. Ст. 34. С. 48).

⁵⁴ “А в княже борти 3 гривне, любо пожгутъ, любо изудрутъ” (Правда Русская. Ч. 2. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. С. 197). В переводе И. Платонова эта же статья имела несколько иной вид: “Если кто сожжет или выдерет княжескую борть, тот платит 3 гривны: за борть земледельца 2 гривны”. Б.Б. Каффенгауз давал такую редакцию: “Если сожгут княжескую борть или выкрадут пчел, то платит 3 гривны”. (Правда Русская. Ч. 2. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. С. 197).

⁵⁵ В. Есипов отмечал: “Русская Правда упоминает еще один... важный объект повреждения имущества огнем, именно борть (пчельник), подвергая виновного в порче и истреблении ее... денежной ответственности. Рано развившееся среди славян пчеловодство, сделавшееся весьма ценным промыслом, заставило оградить его от преступных посягательств. В “XII таблицах” Рима мы еще не встречаем подобного постановления, но уже по закону Аквилы можно было преследовать сожжение чужих пчел” (Есипов В. Повреждение имущества огнем по русскому праву. СПб., 1892. С. 16).

⁵⁶ Правда Русская: Пространная редакция. Т. 1. Законодательство Древней Руси. С. 69.

⁵⁷ “Аще кто борть разнаменаеть, то 12 гривен” (Правда Русская. Ч. 2. Комментарии / под ред. Б.Д. Грекова. С. 554). Н. Ланге так объяснял значение термина “разнаменаеть”: “Разнаменованъ борть значило стесать топором с нее знамя, т.е. признак, **определяющий право чужого владения** (курсив наш. - В.Р.), и выделать на дереве свое, или вообще другое знамя” (Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 4. СПб., 1859-1860. С. 192). Г. Гетц подчеркивал, что под словом “борть” Правда понимала не только отдельное дерево, но и целый участок леса с такими деревьями, т.е. пчельник или пасеку (см.: Gutz H. Das Russische Recht. Stuttgart, 1912. Bd. III. S. 307).

⁵⁸ М.Ф. Владимирский-Буданов указывал: “На бортовых деревьях каждый собственник клал свои знаки... Преступление, наказуемое по этой статье, равно по ст.ст. 72 и 73, есть истребление признаков частной собственности, с целью присвоения ее или незаконного пользования ею” (см.: Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. 3-е изд., доп. Ч. 1. Киев; СПб., 1885. Прим. 113).

⁵⁹ “Аще украдетъ кто бобр, то 12 гривен” (см.: Правда Русская. Ч. 2. Комментарии / под ред. Б.Д. Гре-

кова. Ст. 69. С. 549). И.Н. Болтин относительно нормы ст. 69 Пр. Пр. отмечал: “Сей закон предметом имеет истребление вовсе бобрового завода, когда кто из племенных бобров - самку или самца - убьет, разоря их гнездо или нору, и для того пеня столь великая положена, понеже убиением единого из племенных истребляется вся стая” (*Болтин И.Н. Правда Русская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха*. СПб., 1792. С. 92). Д. Дубенский же по этому поводу пояснял: “Племенные бобры были особою ветвию государственных доходов, а может быть и собственностью князя” (Об Ярославовой Правде XI века // Чтения Общества истории и древностей российских. 1846. Кн. II. С. 92).

⁶⁰ “Аще будет росечена земля или знамение, им же ловлено, или сеть, то по верви искати татя ли платити продажу” (см.: *Правда Русская*. Ч. 2. Комментарий / под ред. Б.Д. Грекова. Ст. 70. С. 549). С.В. Пахман, подчеркивая важность ст. 70 в части охраны княжеской собственности, указывал: “В исках о краже бобра, если на месте кражи остались знаки, а именно, если найдено на земле орудие ловли или сети, - “знамение, им же ловлено, или сеть”, - то эти признаки суть достаточные доказательства, и на основании их, если бы даже не было ответчика налицо или он был неизвестен, округа (вервь) обязана была разыскать в своей среде вора или заплатить пеню” (*Пахман С.В. О судебных доказательствах по древнему русскому праву преимущественно гражданскому в историческом их развитии*. М., 1851. С. 40). И.М. Собестианский отмечал:

“В древности бобры считались собственностью князя. В средневековой Польше сельское население обязано было стеречь бобров; в противном случае подвергалось тяжелым наказаниям. Вервь в Русской Правде привлекается к ответственности, если в ее пределах охотился кто на бобров, на том основании, что этим нарушалось право князя. Вот почему вервь и уплачивает только штраф князю (продажу). Она освобождалась от платежа лишь в таком случае, если ей удавалось разыскать виновного” (см.: *Собестианский И.М. Круговая порука у славян по древним памятникам их*. Прага, 1886. С. 125). На этот же аспект обращал внимание и И. Грыцько (*Грыцько И. Участие общины в суде по Русской Правде* // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1860-1861. Кн. 5. С. 45). Н.А. Максимейко же замечал, что вервь не должна была принимать на себя обязанность в любом случае отыскать татя, и продажу обязывалась выплачивать лишь в случае, когда она (вервь) искать преступника отказывалась: “В статье (ст. 70 Пр. Пр. - *В.Р.*) прямо сказано: или искать татя, или платить. Значит, платили тогда, когда отказывались искать” (*Максимейко Н.А. Указ. соч.* С. 147).

⁶¹ Устав князя Владимира Святославича: Синодальная редакция. Ст. 19 // *Русское законодательство X-XX веков*: В 9 т. Т. 1 / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 149-150.

⁶² Устав князя Ярослава: Краткая редакция. Ст. 38 // *Русское законодательство X-XX веков*. В 9 т. Т. 1. / отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984. С. 170.

⁶³ *Греков Б.Д. Указ. соч.* С. 529.

Поступила в редакцию 01.09.2011 г.